

Борис Юхананов

НОНСЕНСОРИКИ
ДРИМСА

Борис Юхананов НОНСЕНСОРИКИ ДРИМСА

Борис
Юхананов

НОНСЕНСОРИКИ
ДРИМСА

Поэма Б. Юхананова «Нонсенсорики Дримса» составляет единое целое с серией «Перелёт букв из Тель-Авива в Иерусалим», исполненной в жанре фотоживописи. Автор понимает искусство фотографии не как отражение или документацию, а как принятие и проявление, теми же свойствами он наделяет и поэзию: «Эту серию фотокартин и эту поэму я принял и проявил в один год в одно лето. Они стали одним целым... Итак, верлибр – это особый дух – освободитель, сопроводитель, верз, под чьим присмотром и воздействием след в след призрачная телесность субъективно ориентированной реальности, недоступная ограничениям, отправляется в текст».

В С Т У П Л Е Н И Е

Я чувствую призыв
И вызов низа
Взвыв
Тот из низины
Взрыва
Рвётся наверх

Но враг
Сам вырыл
Свой овраг

Уже в воротах
Тварь
И несть ему конца
Раствор по капле
Подбирается к венцу
Если погибнет царь
Не устоять дворцу

Но у отца
Есть сын
Как есть у цели
Цель
Не дрогнет стойкий принц
Падёт пронзённый зверь
И я в конце концов
Вернусь к Творцу

Естественно нужна нам
Перестройка
Дворец не может выстоять
Поскольку
Его уже не чинят
Столько лет
Но Серафим
Его коснулся стен
В двух-трёх местах
Своим крылом
Легчайшим
И тотчас
Верный ветер перемен
Пошёл гулять
По этажам и башням
Проснулись все
И обомлели все
Дворец уже сиял

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Во всей красе
Я прохожу через Врата
Запреты сняты
Кровь чиста
Сосуд омыт
Кристалл сияет
Но милосердный свет
Творца
Мне оглянуться позволяет
Я вижу даль
Прошедших дней
И трепет прошлых
Воплощений
Свечой колеблемых
Теней
Под властью
Легких дуновений
Из тела выскользнув
Душа
Мчит
Множа виражи желаний
И замирает не дыша
Внимая тайне
Расстояний
И новым чувством
Осенён
Я проникаюсь откровеньем
От сопряжения времён
В усладе
Полного мгновенья
Власть заповеди испытав
Над временем и постоянством
Я возвращаюсь на этап
Где корчится во тьме пространство
И вдруг я окунаюсь в тягу
Одной страдающей души
Он всё ещё живёт бедняга
Дримс
В передрыгах и глуши

ЧАСТЬ I

Неровным строем
Медленного марша

Прошли желания
По телу поколенья
Когда-то Дримс
Хотел воспеть его
Теперь мне
Оплакивать
Придётся это чтиво
Сгоревшее
На яростном огне
Зачем вы ринулись
О принцы перестройки
Вслед за сестрицами
Страницами брататься
К циклопу в жбан
Он не забыл о вас
И перемешивал усердно
Вы кружились
В глянце
Его половника
Крутого
Грамотей
Весь в предвкушении
Вкуснятинки
Офсетной
Глазел он
В глупь
Ваши обитаемого мира
Вкушал слюну
Вдыхая запах
Бдений
Пока ему
Не вышиб дух
Одним ударом
Пришлец гурман
Непомнящий
Родства
И вон не вышел
Ветер перемен
Раздул огонь
И потушил огонь
И вонь от очага
С дымком
Относит
В колеблемую дверь
Пустого дома

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

И лишним телом
Корчится в углу
Труп с половёшкой
Зажатою в зубах

Виденя Дримса
И фантазмы Дримса
Карябает сам Дримс
Себе в тетрадку
Не очень-то задумываясь
Впрочем
Зачем он этим занимается
Нещадно
Низвергнув сенсоры
Снаружи
Внутрь себя
Дримс осязает
Нонсенсом сознание
Не силясь
И не злясь
Он орошает
Невидимыми
Слёзами
Его

Прибыли грубые души
Всею толпой завалили
Наладили быт потребление
Не верят
Ни в духов местных
Ни в тех что издали светят
Не различают знаки
Не понимают песен
Разве что
Чуют чают гукают и крепчают

Точка полного разрыва
Точка нулевая
Называется Москвою
Антимиром рая
Здесь всяк босяк
Но Небо в область чувств
Устойчивый
Свой посылает луч
И проникает
Утоляя боль

И каждый с Ним
Становится собой
То есть
Единственным Единым и Одним
И всякий ноль
Здесь обретает нимб
Спеша обратно к телу
По пути
Творцу сигнала
Отпусти прости
И пусть звереет тело неотрогой
И в Лету мчит
Но рядом с ним
Незримо
Силы Бога
Творят лучи
Ты находясь
Внутри баллона
Приникни к свойствам
Эталона
Творец надавит
На баллон
И в мир проникнет
Эталон

Мой пункт
Прибытия
Живым сияет светом
Что прожигает
Этот мир до дыр
Сезон дождей
Звереет тучным летом
Высасывая город
Как вампир
Из всех щелей

Струится неустанный
Земных страстей
Прискорбно мутный
Сок
И в каждом теле

Созревает тайный
Маршрут по городу
Вернее марш-бросок
Пирог искрит

Сластёны льнут
Но искры
Попрятались в куски
В тисках желаний
Скорчились до писка
Чувств и сознаний
Голоски

И кажется нет выбора
И каждый
За каждым в след
Идёт

Тропою похотливую
До жажды
Любовной
В бред

Той пошлости
Беспошлинных объятий
И тех
Прости

Когда уже не знаешь
Обнимать ли
Или спасти
Вот здесь
И начинается
Тревога
А в ней

Душа
И каждый вдруг
Выходит на дорогу
И ждёт
Дрожа

Д Е Н Ь П Е Р В Ы Й

— Наталья! Как я рад Вас слышать!..
У Вас жёлтая занавеска развеивается?!
Солнце, дождь, жёлтая занавеска...
Наталья, смотрите, мы с моим другом Дримсом
едем в ЦДЛ,
Чтоб полчаса посмотреть фильм из программы...
Хотите!.. Ну смотрите!.. Ну звоните!.. Ну давайте!..

У Вас же там жёлтая занавеска развеивается...
Вот... Составь себе счастье, Дримс... Девушка
из Нью-Йорка...

Блондинка...

Обедал Дримс
То есть ходил в кино
Он наложил себе в тарелку
Не просветленную структуру
С которой можно превозмочь
Любые типы притяжений
А избранное мясо жизни
На глаз отобранное
В лавке
Наощупь в павильоне
В давке
В реальной круговерти
Съёмки
Мы все наскоком существуем
И больше грезим
Тратя силы
И преждевременные нервы
На толкотню пред
Миражами
Надеясь в них
Усесться поудобней
А кто-то удивляется
Толкучке
Накручивая километры
На педали
Мчит по шоссе
Вдоль миражей
И слушает
Как плещет
Бензин в канистре запасной
И кто-то
Как Дримс
Зажатый в рот разинувшей толпе
Глюкотной
С тоскою провожает взглядом
Джип мчащий
Удивляясь миражу
Отдельному
Вот спятил
Нет уж лучше
Глазеть разинув рот
Чем зубы сжав

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

ЧАСТЬ II

Верлибр – не вид или тип текста – это инструмент, при помощи которого образуется текст, и функция его в акте производства текста заключена в том, что он освобождает правило от самого себя, или иначе – в самом себе преобразует правило из силы ограничивающей в силу формирующую.

Верлибр двупостасен. В реальности он снабжает сознание особого рода контактом (оптическим, акустическим, смысловым, этическим) с зоной свободных коммуникаций, то есть с зоной тех связей, где возрождается призрачная телесность раскрепощённой субъективности, тех особых замет – накоплений пережитого – осознанного, из чего образуется, отбрасывается то самое вещество, которому предстоит переправиться, вернее, переродиться в помыслы художественной вселенной. Итак, верлибр – это особый дух – освободитель, сопроводитель, верз, под чьим присмотром и воздействием след в след призрачная телесность субъективно ориентированной реальности, недоступная ограничениям, отправляется в текст.

Я радуюсь скрещению мозгов
То есть тому случайному совмещению
В противогазном ожидании
Чужого творчества
Когда совместное кипенье нервов
В предчувствии неотвратимого самопроявления
Пуще смерти
Подчиняясь инерции аритмии
Мы дрожливыми сердцами
Уходим в пятки общества
Там пережидаем языкастый огонь
Закаляющий очередных Ахиллесов
Все мы смотрим друг на друга
Из гробов воображаемого
Недобитые Носферату
Нечего надеяться на другого
Сам себя уюкошь
В откровении декламации
Обнажив осиную талию смысла
Заядлый любитель противоядий
Действительный мастер отсоса
Беспардонный Каин-акын
В чувстве
Осинка уже повзрослела
И скоро отколет такое
Что мяукать будем ритмично

Новорождённые котики
И если вовремя нас не утопят
Вот тогда воплотимся
В рифму

Когда
Он бьёт тебя
Промеж
Мазох
Не промах
Не промажь

Распоясавшаяся расчленёнка, жаждущая жизни, неосмотрительно окроплена живой водой раскрепощённого времени да здравствует люмпениада.

Не переломить
Не перешибить
Люди врастают в кровь

Лютый Лютер в Давида голиафнул

Придурковатый тип
И всё в нём столь не прямо
В очередной раз влип
В разборки с этим малым
Бессмысленным концом
Завесой мрака
Прахом
В котором веса нет
Но силы есть
На драку
И нету ему счёта
Да надо быть глупцом
Чтобы напасть на чёрта
Но вот он предо мной
С улыбочкою подлой
И рифмочкой на ой
В которой вой бесплодный
Он оглушил
Мой пыл
Сам упрощусь
В пращу
Но в эту морду пыли
Камень запусу

В гущу пыли
Камень запущен
Стих стих

Незрячих ща
Выращивая лес
Из гущи языка
В который влез
Случайно
Не стоит обольщаться

Во внутри пупка
Опыты пути
Изкорёж глотком
Капельную зону
Искренний капздец
Каланчовый крен
Талый тулик дрыни
И заёмный сдвиг

Стой на месте Дримс
Между двух один
Космос лёг костьми
В наши лёгкие
Сны незрелые
Стыдобою борьбы
Всё посвёркивают

Вкушающий
Вкушает искушенье
Внушающий
Внушает нам
Внушенье
Берёт берущий
У дающего
Даванье
Бегущий
Догоняет расстоянье

Дримс
Пробираясь сквозь апории
К опоре свободной речи
Что резвится на просторе
Бессмыслицы
Сквозь гулких связей вязь

Забылся наконец глубоким сном
В котором вдруг
Словно зайдя с изнанки
Наткнулся на нетленные останки
Великого когда-то слога ОМ
Коснувшись их московским языком
Он ощутил могучий ток вибраций
Мерцание сознаний нерождённых
То есть бессмертных и предупреждённых
Заранее об угасанье майи
Проникнувшись всем ужасом конца
Ещё недоиспытанных иллюзий
Забыв Творца и разум
Бедный лузер
В последней экзальтации ума
Стал голосить АУ АУМ АУМ
И мог бы так совсем свихнуться
Пока не снизошла к нему
Богиня Шакти
И сама
Не прекратила этот шум
И не заставила проснуться

У лузера
Есть лазер линза луза
Волшебные вещички моряка
Играет лузер
В Робинзона Крузо
Среди толпы
В себе лелея дурака
Единственного спасшегося в шторме
Крутого позитива
И всезнайку
Всегда готового
Опять создать по форме
Цивилизацию
Чуть подлатав морзянку

Но из пробитого экрана
Мне город посылает вдруг
Знак в виде крика хулигана
Напоминая Божьих мук
Приоткрывая откровенье
И обостряя слух и взор
Он формулирует знаменье

Включая этот крик в узор
И я мгновенно сознаю
Всю дикость собственных амбиций
И ограниченность свою
Животный вопль и эти птицы
Мне объясняют мой позор
И я вливаюсь в общий хор
Чтобы о парне помолиться

И трепет крыльев
При невидимом
Условье
Того что слух
Улавливает трепет
Артикуляция опровергает лепет
И прячущийся смысл
Выходит в свет
Проявленному
Наступает время
При том что времени
На просветленье нет
Присутствие неприсоединимо
К тому
Что невозможно различить
Но в каждом гоне
Есть погонщик и гонимый
И в каждом крике
Тот кто им кричит

Скончался в корчах
Век воображал
Настало время
Калек подражал
Талант калека
Даже ты подорожал

Коли не смог жить по воле Его
Недостижимый теперь для себя самого
Служи отраженьем
Чужих форматов
Калька малёк
Приживала прижатый
Жёстким лекалом новых
Властителей фараонов
В срединное царство

Очередной перебежчик
Мышиной мерцающей прытью
Переписчика властное кресло
Наполнивший плотью
В беспмятство впавшего тела
Жертва отрывек ночных
И подсчётов
Тайный погонщик
Цифрек мутных и скользких
Всегда нороящих
Умчать в лабиринт беспредела
Зачем ты на Дримса напал
В коридоре Дворцовом
С речью казнящей его
За незванный незданный неизданный
Вовремя труд
Который уже никогда
Не будет закончен

Ибо

Дримс буквально за несколько дней выпустил наружу всю скопленную молодость. Жизнь в нём выпуклилась настолько, что дальше только самоубийство. Процессы в чувствах и в мыслях были не то что остановлены, но сглажены.

Ибо

Опыт мышления уже неоднократно приводил его к опустошённости.

Высказанное, выписанное промывает сознание, но и только. Сделанное, вообще, не примыкает к существованию, скорее требовательно подчиняет себе время, чтобы потом отбросить за ненужностью.

Жить внутри отброшенного времени тяжело, но полезно – безделье глушит миражи, обновляя чувства.

Удивлять других стремятся дураки, не успевшие разобраться в природе желаний, или расчётливые трусы, старающиеся закрепитесь в обществе. Остальные живут по инерции, в иллюзии соответствия тем или иным недолгим истинам.

Тем временем тело само укрепляет свою власть над духом при помощи разложения и ужаса старения.

Кто согласится влачить свои дни в гниющих одеждах...

О духи солнца и песка
Вы поработайте на славу
И в материнском ложе моря
Во мне очнётся Афродита

Вместе с легчайшими luckystrike-ом
Я загорелый гладкий зверь
Неделю буду изливать блаженство
Накопленное
В дырки тунейдок
Мне хватит
Здоровья
Вместо мыслей и общенья
Я буду длить и праздновать его
В хип-хопных ритмах
Рэпом заклинать
Вражду старенье тлен
Унылой гнуси
Быта расчётливого стража идиотов
И Гретхен подыскав
Любить её
Ласкаясь гладкой кожей
К ладоням страстным
Упиваясь сосцами-стопами
Вдыхая дрожь освобождённого желанья
Ей помогать
И самому победно изливаться
Вместе с нею
Не в позах дело
Но лозой рискованной
Под солнцем яростным
Улётное вино в себе лелеять
Пусть не торопится
Хозяин виноградарь
Со сбором
Мы не сморщимся
Изюмом
Лоза в томленьи
Быть небывалому
Вину в этом году

В изюме
Ум
Но виноградинка
Сладка
Услада в ней
И гибель языка

Но обновлённое тело обрывает связи с небом, отправляя умудрённый дух в отчаянье несовпадений со временем. Всем чу-

гой твой очередной расцвет запулит свои семена опять в неизвестное, в неожиданное.
Только язык способен выдержать напор того непререкаемого до странности, отчаянного одиночества, что наливается новой силой под ядовитым солнцем очередного витка жизни.
Отвращение к обобщениям проламывает ограничение и превосходит желание встроиться в общее. Подготовленная исчерпанностью предыдущих связей к колкой и быстрой решительности самых неожиданных откликов на сигналы и предложения, под властью неведомой никому реплики, игра морщинуется в паузе, изнывая под давлением тупого сюжета.
Язык, испаряясь, оставляет пустоту в сердце, и рука не поднимается к рулю
Ибо
Путь в сферу обслуживания выложен живыми сгустками уязвлённых унижений и столбовой завистью к рискованным сталкерам времени...

Надави на табу
Выйди за круг
Прерви поруку грязноватых грёз
Отдёрни руку
Отверзни верза
Сам иди
Стой
Крутанись
Отмоли свою ругань от греха молчанья
Посмей силы тратить на ящерики трещин
Возлюби свой свергнутый путь

Так заклиная клинил Дримс под откос мчащую жизнь. Потом опять уснул.

Теряя власть
Над коробом сознания
Плутая в сумерках
Неведомых редакций
Дримс оказался
В области реакций
Где пребывает
Абсолютная мораль
И содрогаюсь под разящим взглядом
Сияющим в него от строк Писанья
Дримс стал недостижим
Для наказаний
И для сулящего их

Лютого сморчка
Там на краю
Сверхмысленного мира
Где зыбкая граница
Восхищает
Все ожиданья помыслы и чувства
Он обновлённый
Стал держать ответ
Перед Всевидящим
За дурь того искусства
Которым занимался
Столько лет
Когда ярясь
Среди подсунутых стремлений
Вместе с расчётом
Отвергая озаренье
Витая в мороке
Увоенных сноровок
Он в бешенстве
Ушибочных ошибок
Уже не отличал
Мальков от рыбок
И полных срывов
От тактических уловок
В растворе мотиваций
Гибло зренье
Впиваясь в ложь
Просроченных страховок
Истерикуя в смраде
Дельных мнений
В нём чувство Слова
Изощрилось в наслажденье
Тупого рыбака
В гипнозе клёва
Упившегося до самозабвенья

Теперь придя в себя
В одно мгновенье
Дримс в образе
Незримого узора
Словно подхваченный
Могучей силой Взора
Сжимая Книгу
Плыл по коридорам
Не замечая

Ни малька ни ора
Что поднял тот
В разгаре изумленья
Граничащего с муками позора
Тут Дримс проснулся
И без промедленья
Такой уж он прилежный ученик
Сам для себя
Всё записал в дневник

Мы в нонсенсориках
Где сенсор нонсенс
Всего лишь толика
Того Кто под вопросом
Но как трамплин
В адреналиновый полёт
Нас отправляют
В маму в кровь в улёт
Мы мчим туда
Где злу не повезло
И где висят плоды
Ему назло
То есть туда
Где были будем есть
В тот Сад откуда
К нам приходит весть
Но тяжестью набухшие плоды
С трудом выдерживают ветви
Как гантели
Нули плетут вокруг
Свои туннели
Ведущие из никогда в ничто
Взасос
Откачивая соки как насос
Один из них
Уже попал к нам в SOS

То есть взят двумя вертикально поставленными
знаками бесконечности под арест.

Закончив править этот стих, Дримс долго лежал на кровати, вытянув руки и ноги, как будто стоял горизонтально на часах, потом, с жадностью окунулся в галлюцинаторное забытьё Бонда и уже после второго фильма за ночь – «Алмазы навсегда» – на песне о бриллиантах Дримс отключил видюшник,

соответственно, тут же в мониторе возникло изображение какой-то ТВ-программы: пошлый малиновый фрак ведущего лотереи – отвратительное ТВ... Дримс тут же выключил, но перед тем этот тип в экране успел протянуть камере, а Дримсу показалось, что прямо ему, фишку, и произнести: «Семь». И только когда уже выключил, до Дримса дошло странное совпадение номера фишки с номером агента: 007 – современные мистики это называют синхронизацией... Но как это понять? Знак... Но что он означает? Если вообще означает что-то. Подтверждает? Предупреждает? Играет со мной, думал Дримс... Скорее всего – это подтверждение чего-то, какого-то складывающегося в эти дни жизненного направления, вплоть до моего увлечения Бондианой. От Торы до Бонда, сквозь верлибр и нонсенсорику – вот чем заполнены были эти дни. Дримс догадался, что отсчёт начался:

Я не знаю сколь долго
Как страстно
Мне дано ещё жить
И глазеть
Каковы основанья
Отсчёта
Что конечно уже начался

Под утро, когда он сделал эту запись, птицы уже были в полном органе. Их сине-зелёный свист неустанно возвращал в Дримса слух... И не давал уснуть...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

– Почему Господь ожесточает сердце Паро?
– Если ты веришь в свободный выбор, он свободен в тех рамках, что дадены человеку – среда, природные данные, возможности... интеллектуальные... физика – всё, что в генах... В рамках твоих возможностей ты можешь делать всё. Пример «не убивай» – с кем разговаривают? С какой частью меня разговаривают? То, что я получил в генах? С тем, что я получил извне? Кому идёт приказ? – В точку свободного выбора! Эта точка называется «Образ Божий». Бог ничему не подчиняется. Что у человека есть от Бога? Свобода выбора – это по-моему суть!

Чудеса великие творились в Египте. Как человек может спорить с чудесами? Утверждают, что так много чудес делалось, чтобы убедить всех, что Он существует... У Него много воз-

возможностей разрешить ситуацию... У Него была задача показать, что есть Бог. Но как только это происходит, у Паро нет выбора! Только потому, что Господь ожесточает сердце Паро. Мы приходим к равновесию. То есть, для того чтобы у него был выбор, у него должно быть очень жестокое сердце!

Дримс беседует с другом своим
Поглядывая на милую неожиданную официантку
Сама из Питера
Заканчивает искусствоведческий
В тамошней академии художеств
Учится
Дримс официантке
– Девушка! А у вас черствее хлеба не было...
Она милая
Нависла прямо над ним
Смотрят глаз в глаз
– Что очень черствый?
– С трудом его ем...
– Вам принести?
– Ну вообще-то уже поздновато...
– Ну, извините...
И улыбается откровенно
Он ей понравился
Явно

Друг:
– Физики
Объяснения детерминирующие
Меняют на резонансные
Как у китайцев японцев
И-дзын например
Все связано со всем
И мельчайшее малое
Может повлиять и влияет на развитие миропорядка
В связи с этим
Новый антропоцентризм
Новое понимание человека как центра мироздания
Внимание не столько к его внутренней жизни
Сколько к его действиям

Дримс отвечает:
– Друг
Давай сопряжём свободу воли
Как Образ Божий в нас

С резонансным мироустройством
Тогда окажется
Что в точке свободного волеизлияния
И совершается резонанс
То есть там и тогда мы воздействуем реально на
миропорядок
Даже малейшим поступком своим
Когда оказываемся способными
На акт свободного выбора
И совершаем его
Иначе мы просто
Жертвы чужой наивности
Таково время
Цивилизация уплощает души
Сжимает в брикеты
Не позволяет различать связи
Заставляет уместиться в тюряжках
Конурках чужих интересов смердящих
Да и нам самим
Нечего подсовывать грубому взгляду
Обрубки явлений
Выдавая их за жанры мироустройства
Я не хочу участвовать в этой сечи
Пусть мой резонатор включённый
На полную мощность
Из этой черствой кафешки
Свободную волю мою
Протранслирует силам судьбы

Дримс почти кричал

И вдруг Друг
Стал говорить Дримсу
Что он мол оторвался недосягаемо
До непонимания оторвался
От общего уровня развития оторвался
От всей страны оторвался
От люмпен капиталистической дегградации
оторвался
Как первый вагон от последнего
Оторвался

– Ты им про лесок, а они ещё на станции... Надо обращаться к
здесь живущим и придти к ним в форме инструкции. Реальнее
всего это делать в форме художественно-политических ма-

нифестов, иначе они тебя не заметят, не поймут, не различат. Дримс, никогда!.. Как ни кричи...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Верлибр проводит жизненную субъективность сквозь блокаду, которую ей устроила атакующая вселенная искусства. А Дримс для этого пользуется нонсенсорикой, где нонсенс – сенсор, при помощи которого он теперь озаряет мир. Уже под утро явилось ему как запоздалый ответ счастливая фраза: «Нет ничего более невыносимого, чем стать объектом положительных чувств». И опять птицы и новый день настал...

– Откуда берутся силы на жизнь?!

Произнося «на жизнь», Дримс растянул губы и долго всматривался в свое беззубие, замерев перед зеркалом с зубной щёткой и белым червячком пасты на ней.

– Парень! У тебя арт-хаузная улыбка.

Вдруг заметил Дримс прыщик, что выскочил у него справа над губой белым пупырышком. «Это от простуды», – сказал бы друг, но Дримс подумал: «Не от вчерашних ли поцелуев с искусствоведкой?» И как-то явственно сейчас в пятом часу утра ощутил он это, как последнее Господнее предупреждение. Недаром почувствовал во вчерашней официантке что-то ведьминское – «Боже охрани!» Он ощутил здесь что-то одновременное – и эти разговоры с другом, и прыщик – ведь нет более-ничего человечнее, чем это сопряжение прыщика с Торой. Из-за прыщика и не выйдет, может быть, он из дому сегодня.

«Встревоженные, отлетали ангелы от Господа и, входя по колению в воду, принимали младенцев на руки, и укладывали их на утёсы, а из утёсов образовывались сосцы, питавшие младенцев материнским молоком».

Утёс в сосцах!..

Именно в крови Дримса пульсирует сейчас Господь, изнутри стучится – и вот, в эту секунду, даже птицы попритихли. И кажется Дримсу, что так и есть, что подал изнутри его Господь знак через птиц, связывая внутреннее с высшим, продлевая Себя, продлевая Себя в даль небесную, голосами птичьими возвещая через слух внутрь духа его и кровью пребывая в нём. Открыв тайный этот цикл, уже не мог Дримс оставаться прежним, и возжелала душа Дримсова поклясться в верности Господу, и приникла в осторожном вслушивании сама к себе, и притихла, как птицы перед тем, дабы потом не пришлось раскаиваться в клятвопреступлении перед Ним...

А птицы уже опять всюю. И ворона уже в четвёртый раз по четыре карка каркает, но вот сейчас перешла на три, а теперь опять четыре. Четыре, четыре, три – чередует тройки с четвёрками. Что-то в этом? Семь?! Птичье пенье, как фон. Сквозь который ворона сигналил.

Счёт возникает в ритме!

Дримс не запомнил, сколько раз прокаркала ворона, но ритм запечатлелся в нём. Повторив его, он обнаружил число. Из ритма взошёл счёт. И число есть дитя слияния с миром, ибо в ритме – акт слияния. И Господь отверз шоры Дримсовы от сознания его, дал знак присутствия своего, открыв тайну чисел! – Птицами говоришь со мной, воронами обучаешь, кровью во мне пульсируешь, слёзами всходишь.

– «Устам, которым предстоит говорить Именем Моим, не подобает прикасаться к груди идолопоклонницы!» – вот и ответ на прыщик...

И послал Дримсу денег Господь, чтобы мог он заниматься Торой...

Торе вторь
Второзаконие
От зари
В четыре карка
Вороньих
Сам себя
Отвори
Он притих вместе с птицами
Прислушиваясь к пульсу своему
Ощувив на губах
Молоко из сосца утёса
И ворон каркал ему
Четыре четыре
Три
И ответ сам собой
Восходил в слезах
Утверждая права вопроса
И они прорастут травой
Из почвы этого века
И хором будут звучать
Вот Бог мой
Возвращаясь в грядущего человека
И четыре четыре три
Как снаружи
Так изнутри
Содрогаясь в предчувствии знака

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Вторя
Ритму числом
Он молился
И плакал
Проникаясь Творцом
Во дворце
Где младенец
С венцом
Фараона играет
Начало с концом
Совмеща без страха
И когда Гавриил
Вместо золота
Уголь вложил
Младенцу
Тот понял подсказ
И обжѐг угольком
Язык
Избавляя себя от лжи
И вырос
И вывел
И спас

ЧАСТЬ III

Куст горит терновый
Горит и не сгорает
Старый Завет и Новый
Голос возвещает

Моисей был ростом в десять локтей
Мальчик-с-пальчик ростом в пальчик
В одном локте пять пальчиков
Моисей был ростом в пятьдесят мальчиков-с-
пальчиков

Открой врата все пятьдесят
Хотя б на миг в мой разум
По всем путям придут ко мне
Пускай все духи разом
И на горе Он все открыл
Кроме одних нездешних
И сорок лет светильник жил
В сиянии безгрешном
И жар Его и свет Его

Всех врачевал ото всего
Пророку был не нужен сон
Чтоб прозревать сквозь время
Судьбу народа своего
И каждого
Еврея
И даже наш московский плен
Без окон без дверей
Сквозь гущу лет сквозь толщу стен
Провидел Моисей
В наш мальчик-пальчиковый век
В умишки с ногтей
Закон струится как поток
Который жив для всех
Походка старца широка
И поступь величава
Он поднял посох от песка
И растворяет пыль и плен
И шлѐт нам время перемен
Чтоб все начать сначала

Гниющий друг
В кругу своём
Мы тоже песенку
Споём
О том как нам
Жилось
Проказа наша
Из проказ
Мы долго жили
На показ
Пока не подоспел наказ
Которым
Отменили нас
И вместе с нами
Век зараз
С тысячелетьем целым
Как говорится
Прервалась
Та связь
Что связывала нас
С временем
И делом
Мы променяли
Жизнь на злость

И миф
На веру в блеф
В ответ и нас не поберёт
Господь
Обрушив гнев
Пока мы гнили
Чей-то глаз
Следил
Чтобы стакан-сатан
Был полон до краёв
Да что там долго говорить
Обман проник нам в кровь
С того-то мы и стали пить
Что кончилась любовь
И чтоб избавиться от лжи
Ты руки вдоль себя сложи
И ноги протяни
И так лежи
Теряя дни
Считая жизнь
На вес
Пока злой ангел
Не придёт
Чтобы забрать наверх
Но ты ему тогда скажи
Что Моисей нас
Сторожит
Каждого и всех
И он отступит в никуда
И вновь пойдут твои года
Включая тебя в счёт
И все увидят
Как Господь
Любит
Свой народ

Д Е Н Ъ Ч Е Т В Ъ Р Т Ы Й

У Дримса не было ни одного полного успеха в жизни. Ни разу не наступал момент общественного признания. Его не то чтобы не вызывали на флаг, но даже и не «пели», как поют любимую песню. То есть исторически он не «синхронизирован» со временем и кайфом. Наслаждением для других Дримс не стал. Других – в смысле тех, кто воспринимал-воспринимает

результаты его, Дримсова, творчества, а не его Дримсову личность, то есть его Дримса самого; здесь, возможно, находились люди (отдельные), для которых он, Дримс, значил и был – «тем, с кем сейчас очень хорошо» – быть может здесь и надежда. Если Дримс сумеет остаться самим собой, тогда там, где будет результат его, там и тогда найдутся те, кто примет Дримса в себя, как нужное им сейчас, требуемое. Наслаждение-встреча – здесь путь исправления контакта со временем, здесь путь к «синхронизации», к тому, что люди называют успехом. И другого пути нет для Дримса, да он и не нужен ему, ибо остальное – яма. В этом смысле техникой успеха можно назвать искусство, при помощи которого обустроивается бытие Дримсова пребывания в произведении – здесь и риск, и упор, и боль, и борьба Дримса даже с близкими ему, ибо они, «близкие ему», подчас неосознанно пытаются вытеснить Дримса из самого себя, а это может привести к катастрофическим последствиям, потери не только веры в себя, но цельности и энергии жизни. Тогда оказывается необходимым практика восстановления, возвращения к себе, что достигается через одиночество, ибо для того, чтобы вернуться к себе, надо вырваться, прорваться, вывернуться, выветриться из того окружения, места, из тех связей, где находится теперь Дримс, и бывает это выветривание невероятно рискованным и даже подчас может кому-то показаться противозаконным, не в смысле госконституции, а в смысле навязываемых Дримсу законов существования. Однако если он не сделает этого сейчас, то погибнет, и потому решается он на себя, а в себе на то интимно-рискованное, что сигналил о себе в нём идеей, чувством формы, желанием – вектором пути – в полноте своей Образом Божьим – то есть свободной его, Дримсовой волей...

Тут подумал Дримс о проститутках в Москве. Подумал, что отвратительны они не самим актом проституции, не тем, что спят с теми, кто им за это платит, а тем, что разделяют профессиональный секс и любовь: «Я или люблю, или сплю за деньги». Настоящая блудница – ведь так и бывало в давние времена – спала за деньги, а при этом любила и её любили, хоть и платили ей.

На этих мыслях Дримса, лежащего в утре на кровати, атаковал чёрный таракан. Он, видимо, свалился ему на шею с потолка – Дримс, вздёрнувшись, вскочил и только успел заметить, как таракан, промелькнув по одеялу, свалился на пол и метнулся под кровать... Кто атаковал меня? – Подумал Дримс. – Почему? За что? Это подтверждение моим мыслям? Или предупреждение, чтобы я больше так не думал? Ох уж эти мне насекомые и мыши... Как бы этого таракана убить, чтобы он опять ко мне не забрался...

תל אביב

ירושלים

Акынствовать не тексту
Но пейзажу
Что в знаках вдохновляет
Бытиё
Не поддаётся умиление
Продаже
И продолжается в чужом
Моё
Когда дугой всей косвенностью
Связи
Вдруг отзывается
В твоей душе
Другой
Ты как акын
Из ритма не вылазишь
В разгоне песни
Обретая строй
Так длит себя
Всеобщее в отдельном
И проявляя стати
Насквозь вскользь
Оно восходит
Гладью беспредельной
Языческим доверьем языка
К избраннице
Во всём бесстыдстве поз
И мчит себя
И льнёт
К строке строка
И точно так же ты
Встречаешься с познанием
С тем как задумано
Развитие времён
Где танец узнал
Дан воспоминаньем
О будущем
В которое влюблён
И нет пределов чтению
И песне
И танец длится
И любовь полна
Акын
Любовник
Похититель
Вестник

Верней всего
Колодезь перевёрнутый
Без дна
Не исчерпать
Начертанное
Там
Где среди прочего
Предписано и нам
Испить всё то
Что не имеет вкуса
До дна
Которого и не было
И нет
Принять в себя
Из уст Иисуса
Христа сияние
И Моисея Свет
Опасно все
Но нельзя не помнить
Что век пройдёт
И твой
Наступит час
Когда на миг
Всего
Тебя наполнит
Тот Кто уже однажды
Всех нас спас

Когда Дримс записывал (именно, что записывал) этот стих, вдруг перед самым финалом, от окна, что в противоположной стене дома, прямо в глаза ударил и долго пульсировал отражённый солнечный блик. Он вначале подумал, что кто-то играет с зеркальцем, так направлен был луч – но нет долго пульсировал, прямо-таки бил свет в глаза, ослепил аж, строчки расплывались, когда записывал...

Стущённой золотой, добела раскалённой каплицей бил... Был... Таким и Будда был, и Дримс
станет...

Когда исстает...
Будильник бессмысленный и беспощадный
Вслед за лучом прозвенел в восемь пятнадцать
Дримс выключил лампочный свет ещё с ночи
забытый

В утреннем сумраке
Наслаждаться чтением и сигаретой

И солнцем освещённой противоположной
Стеной дома
И благодарным умилением
Души
Перед счастьем жизни

Дримс с другом едят фрукты в «Пушкине».

– Исходя из чего ты ищешь книгу для чтения?

– Из трёх мотивов. Первый – это интеллектуальный художественный материал, который способен расширить моё сознание. Второй – я читаю шпионские романы из гедонистических соображений. Там есть чувство на каждую уходящую минуту жизни... Шпион отделён от жизни и хочет навести к ней мосты... Архетип шпиона – это экзистенциальная фигура – он заброшен, заслан... Третий мотив – я перечитываю книги, которые читал в юности, – это всё равно, что влезать под детское одеяло – восстанавливаю юношескую перцепцию...

Вот... Всё...

Пока друг рассуждал, Дримс наблюдал за официантом. Он, вдруг, различил, как за тонким слоем цивилизованного поведения созревает в этом вышколенном парне социальная ненависть, которая опережает в этой стране всё. Дримс отвлёкся, он как бы улетел в недалёкое будущее, из которого с облегчением вернулся как раз к словам друга:

– Цитатный абсурд московского существования – сон, которым не с кем поделиться, кроме тебя, Дримс, да ещё двух-трёх таких же... таких, как ты да я... В ресторане имени поэта, с официантами с ряжеными манерами. Мы – смесь костюмов от Ямамото с маленькими квартирками на первых этажах, курящие «Парламент» – сигареты, с ностальгическим фильтром под русские папиросы; пытающиеся наслаждаться жизнью в духе Сохо или Хемингуэя... Тотально пролитературенное состояние абсурдного сна... Эта второсортная задрипанность... Народившееся потребительское общество, в котором в абсурде сна мечутся несколько нормальных человек... Душа тоскует. Дримс! Душа...

Д-дримс п-попытался от-ответить. Но вдруг с ужасом обнаружил, что заикается. «З-знаешь, м-мы в-в-в-нутри у-у-у-никальной метаморфозы, народ-дается в очередной раз з-з-зверь, чу-ч-чу-д-довище... такого сцепления массы отсутствия в-в-в одной харе ещё не бывало – б-б-без м-мм-морали, б-без идеологии. Без стыда и совести, в дикой жажде ж-ж-ж-жизни, в-в-не эстетики, этики, нарож-ж-ж-ждаетсяззз-зверь ддд-д-ракон... ззз-здесь мы внутри символа: Георгий и дракон! И где ты? Где Георгий? Копьё, дракон? И облик, и нрав

этого зверя несравним, неизучен, неп-п-п-редс-с-с-к-к-к-аз-з-аз-з-ззз-уем».

Дримса заело. Он зыкал, как муха, вляпавшаяся в дерьмо, и не мог выбраться из этого слова, из этих смыслов, из этого разговора. А хотел он обнаружить перед другом, что под поверхностью, миражирующей этим постмодернистским сном, скрывается быстрорастущее, на ходу меняющее кожу (от чего смещается разнородное, совмещааясь в разноприродное) новое, невиданное, опасное существо; и ростом-созреванием этого зверя, пожалуй, только и можно объяснить происходящее – чуть позже, в который уж раз, на зверя нацелится копьём Георгий...

И он происходит уже внутри чутких московских душ – этот поединок – исход его неизвестен и тем более неочевиден... Дримс сам пережил недавно эту схватку души с инстинктом выживания...

Одухотворяющее копьё Георгия раздражит, спровоцирует зверя на прыжок... И тогда – копьё под брюхо – или смерть от когтей... Некоторых уже царапнула дикая лапа новорождённого... Пока увернулись... Надо быть осторожным... Не расслабляться в присутствии. Зверюга нацелился, прищурился, всматривается – всех унюхает...

Молодой член его гуляет от нетерпения
С члена капает «петровичами»
Нэпманы
Бурлаки-батраки
В золотой цепи
Тащат его из матки
Олигархи повитушничают
Под присмотром главврача
Родильной пещеры
Остальные будущие жертвы
Увлечённо обживаются рядом
В кадаврических галлюцинациях своих
Вызванных испарениями
От нарождающегося
Младенца
Умиляясь
Долгожданной стабильностью
Слипаясь
В дружбы-комьюнити
И образы жизни
Обзаводясь привычками и жёнами

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Но только одно смог выговорить Дримс, выйдя из
стопора, неожиданное для себя и крайнее:
– У какой герлы что без трусов
Пизда к сиденью «Мерседеса»
Прилипают
У той что тряпочку забыла
Подложить

ЧАСТЬ IV

– Тотальный кризис прогнозирования. Общественные ценности? Неявны. Либеральные ценности? Неявны. Частная собственность! Равенство перед законом! Свобода слова – условия, а не конечная цель. Это не целеполагание общества в отличие от коммунизма. Всякие там сообщества творческих людей, все эти утопии о жизни колоний художников... Либеральная идеология и религиозные системы конечных ответов не дают – поедают сами себя – судороги Америки... Нет конкретной стратегии развития – прогностический вакуум... Это приводит к беспределу – идеология сиюминутного выживания в настоящем – в отличие от Совка, где была жизнь ради детей... Итог: невнятица основных ценностей, зыбкость прогнозов, мир превратился в целое... У этого целого нет программы... Это с одной стороны. С другой стороны – «глобалмаркет» – основной экономической реальностью стал фондовый рынок – акция должна расти – ценность – извлечение прибыли – потогонная упряжка... Раньше богатый мог предаваться праздности, тратить и т.д. Сейчас нет времени ни на что – он должен приносить прибыль, иначе его собственные акции будут падать – множащаяся раковая клетка с одним мотивом, без морали и т.д... Этот мотив захватывает в свою орбиту все области... И этот механизм, как мозг... Отсутствие сознания – скорость функционирования вытесняет всё – выбора нет – право на выбор – тоже товар – это делается всё более и более тотальным – результат истерика!.. Человек, общество, лишённые прогноза, находятся в ситуации невротической... Что с этим делать?.. Мамуль... – Да? Мама... Всё купил... Я еду домой. Я буду через 10 минут... Сорос предлагает – открытое общество – открытое в своём развитии – плюс ценности – но как это совместить в рамках общества он не знает... Возможность, может быть, заполнить культурой, ибо жизнь копирует литературу, причём в буквальном смысле этого слова – зарождение будущего может происходить на территории культуры... Нет адекватных предложений – а если есть – не

имеют доступа в массы – качество сегодняшнего воздуха – «глобалмаркет», пророки и те говорят, точно прогнозисты – предполагают с вариантами...

Что это за облако? Друг Дримса скрывается в облаке. Оно заполняет собой всё пространство. Облако – отсутствия прогнозов? Но Дримса оно почему-то огибаёт, он среди него, но не в нём. Довольно долго Дримс молчит, пробует ладошкой пар, потом начинает говорить. Говорит спокойно, словно друг рядом, хотя кроме Дримса и облака уже ничего нет в пространстве.

Дримс:

– В этом кризисе различается истина. Суть её в том, что существование освобождается от ангажемента идеологическим... Будущее в развитии неангажированных коммуникаций, очищенных от маркетинга.

После этих слов Дримс сплюнул, словно в рот ему попало что-то неприятное. Облако вздрогнуло всей массой и отодвинулось от его слюны, как от яда.

– Надо выращивать новую цивилизацию. Сегодня культура кормит потребителя, развращая его бездействием на сеансе художественного акта – надо заставить его работать – манить ожидаемым кайфом, отправляя в путь познания – пока он не пропитается кайфом познания на пути к одухотворению. По сути, работа одухотворения и есть то, куда надо сдвинуть наше «окоسمонавтившееся» время, «окоسمонавтившееся» в смысле приёма духовной пищи из тюбика. Пора воспитать в себе волю к одухотворению.

Отодвинувшееся от Дримса облако и сам Дримс – друг перед другом, как перед схваткой:

– Вот тебе оппозиция: космонавт и водолаз. Космонавт – это пассивное потребление пространства-времени поневоле, а водолаз – активное, но тоже поневоле. Эта оппозиция может разрешиться только одним.

Дримс изготавился к прыжку:

– Возникновением воли к одухотворению.

Дримс произносит эти слова, уже ныряя в облако.

Лягушка славит Господа
Поболе чем Псалтырь
Нет у Давида доводов
Таких как этот мир

«Сказание гласит:

Заклучив книгу «Псалтырь», возгордился Давид и восклик-

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

нул перед Господом:
Творец! Есть ли другой на свете, который подобно мне сумел
бы воспеть славу Тебе?
Явилась тут лягушка и сказала:
Не спесивься, Давид! Кваканьем своим я больше чем ты сла-
вословлю Господа...»

И двухголовый человек
Господу молится с благодарностью

Ты кваканьем
Своим
Поболе всех
Но не в тебе тут дело
Как простодушен мир
И призрачен успех
И словославно тело

У каждого поколения есть свои гуру
Они превращают муру
В шуру-муру
Все свои успехи
Потехи ради
Они засовывают
В жопу к бесу
Мы узнаём об этом
В стадии распада
Когда отпадение
Паразитов
Сигнализирует
О конце карьеры
И душа
Изнасилованная
Одиночеством
Лезет в пасть
К ностальгии
Пишите стихи
Взбалтывайте себя
Наружу выбалтывая
Смурь
Расчленённого языка
Станет легче
Припадать
К стопам
Чужих афоризмов

Лгать
В надежде
На милость
К павшим
Корчиться
У пьедестала
Тельца
Наступает время
Пророков
Оно настаёт
С конца
Прекрасной эпохи
Опухшей
От пахоты
Праха
О чём меня сейчас
Предупредила птаха
Вскричав вскрылив с окна
Мол не шали словами
Не завирайся
Не пыли не бзди
Дримс
О как она была полна тревогой
Мгновенно высказанной милосердно мне
О олухи царя небесного поэты
Пошто вы тщитесь время тратя даром
Вокруг торгуют лохи скипидаром
Его же и скупают бабок не жалея
Всей шоблой трут тельца вместо елея
И вот уже начищенный телец
Становится ну прям отличным парнем
И светится во тьме его едальник
И даром жизнь ему даётся как азарт
И скоро он впадая в раж из вас
Всю выбьет дурь и выпьет блажь
Что испугались дети
Есть многое на свете
Что мудрецам не снится в страшных снах
Но происходит в яви
Однако эта птаха вправе
Сверлить смущённый
Дух
Мгновенной трели дрелью
И в шуме крыльев
В клюве уносить

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Лепет души
К божественному пенью

Дримс вернулся домой довольно рано и где-то в час ночи вдруг уснул. Вот что осталось в нём от довольно удивительного сна: Дримс, вроде как, участвует в неких учениях, и пробирается по лесу, скрываясь от кого-то. Неожиданно он оказывается в полной тьме, из которой выбирается в парковую зону города и прячется от полиции в траве парка. В Дримсе чувство «затаившести»... Он наблюдает, как некая девушка в купальнике делает пробежку по дорожке парка, а затем видит её уже за оградой некоего особняка, где она заканчивает делать упражнения, берёт сумку и уходит. Дримс пробирается за ограду, подходит вроде как к пожарной лестнице и взбирается по ней на площадку с перилами... Вдруг! Эта площадка начинает стремительно двигаться вниз, входит в землю и мчит, мчит вниз, как по вертикальному туннелю, набирая скорость. Через довольно продолжительное время она тормозит и Дримс понимает, что находится на огромной глубине... Здесь раздался телефонный звонок. Дримс, недовольный, что прервался сон, взял трубку, но, услышав там голос друга, тут же положил её обратно. Дримс вернулся в постель и... Вот чудо! Сон продолжился! Дверь на стене дома, со стороны площадки, вдруг стала открываться, вернее разворачиваться, а за ней – и стена... Дримс оказался окружён водой... Он понял, что это невероятная океанская глубина, но при полном ощущении того, что вокруг – под ногами и над головой вода – никакого давления он не ощущал. А движение вниз продолжалось. Дримс был словно в прозрачном лифте из невероятно прочного и до неосязаемости прозрачного стекла. Вокруг вода светилась голубоватым свечением, словно специально подсвеченная каким-то внутренним солнцем. Наконец лифт коснулся дна, вернее движение сквозь воду перешло в движение по воздуху над огромным, раскинувшимся во всю ширь глаза-взгляда, наисовременнейшим, каким его только можно представить – из гигантских домов, ярчайших дорог-туннелей – городом. Дримса как бы упаковало в изменяющийся на глазах снаряд-сиденье. На лицо натянут мягкий скафандр, тело охвачено специальным костюмом гонщика. Снаряд с невероятной скоростью, выписывая немыслимые виражи, начал опускаться к городу, а потом погнал по нему, и опять – всё глубже и глубже. Наконец Дримс остановился... Но теперь он почувствовал, как тело его расходится на цифровые слои, они расплываются в каком-то верчении – удваиваются, удесятерятся, расплываются, двоятся, собираются вновь – Дримс стал этими слоями, на-

конец они опять вернулись и стали Дримсом, только теперь Дримс обновлённый – молодой, к нему вернулись идеальный цвет и состав кожи, выпрямился когда-то сломанный в драке нос, восстановились все зубы и волосы – Дримс полон молодых сил... И вот здесь, внутри сна он понимает, что дальше должна открыться тайна этого чудесного спуска и превращения... И через какую-то, даже можно сказать «креативную паузу», в Дримсово сознание входит мысль о даунах, и он вдруг понимает, – что находится на планете, которая и послала их к нам на землю – они как бы наблюдатели от этой планеты, и они указали на Дримса – Дримс избран ими, но для чего?... Далее, вдруг возникает в Дримсе другая вариация происходящего – этот спуск привёл его на древнюю землю евреев, времён исхода из Египта, и он уже готов войти в плоть того времени. Дримс оказывается перед двумя возможными разрешениями сна, объединёнными, разве что, каким-то чувством избранности – раздвоение это накапливается, но ничем не разрешается. Сон начинает буксовать, и Дримс практически сознательно просыпается, как бы ему этого не хотелось...

Ох! Какой разливчатый, с затейливым залихватским щёлком соловей заходит с мелконарезанного низа и – вверх! Единым вбёгом... Вот затих... Стало теперь слышно и других.

Возможно, подумал Дримс, законы Торы направлены на то, чтобы всё время в соблюдающем их удерживался контакт с Богом – как бы никуда не проливался, ничем не подменялся... а за окном уже дождь, и птички дрели-трели, что сверлят душу, дабы она оживала и росла в этом сверлении, и троекратный ворон... и приходит к Дримсу в шуме дождя и птиц упокоение душе до сладкого замирания, до отдыха слушания. О, как хорошо курить и слушать... И думать о Торе. И раскрывается для него книга престранной мыслью о самой себе, что вся она – Тора – есть подробнейший рассказ о пути-развитии души в отношениях с Творцом, и всё, что «разыгрывается» в Ней, – происходит с душой на её пути к Творцу. И спаситель Христос тоже приходит к душе и душа отрекается от Него и принимает Его – и душа оказывается Иеремией и Иовом, Давидом и Соломоном, Павлом и Петром – и Новый Завет – это повествование об определённом этапе души в отношениях с Творцом, когда она уже прониклась альтруизмом. Быть может, Старый Завет – это то, что прошла каждая душа на пути в этот мир, а Новый – это то, что предстоит в индивидуальном пути восхождения и общим всем душам пройти, чтоб воскреснуть вместе с Сыном. А видение Иоанна на Патмосе – это видение одного из высших миров, и того, какие силы души проходят его и как, и сквозь что, и в какие этапы. И понял Дримс вдруг, что, возобновляя в себе изучение Торы, мы как бы заново разгоняемся, только теперь уж наверх, по пройденному уже вниз пути к Творцу.

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Я тень Творца
Но между Ним и Светом
Нет расстоянья
Тень Его Завета
Который весь сияет
Заслонённый
От Света Им
Я образуюсь
Тенью
И Он изъяв свой Свет
Ждёт от меня свеченья

Быть может в сердце
Накопилась связь
Быть может это
Только отрешенье
Мне не избыть
Того что как боязнь
Пронизывает душу
Стойкое решенье
Нет изменить
Не в силах кодировку
Ни порча смысла
Ни святой удел
Приходит Свет
И всей своей сноровкой
В него заныривает
День с котомкой дел
Мне мантры не нужны
Хоть сердце изболелось
И сдвинуты пути
Приходится мечтать
Таская как рюкзак
Тяжёлый
Тоску и одиночество
Повсюду
И стоит ли
Выстраивать судьбу
Причудливы и неисповедимы
Шаги зрителя
Нет не Творца
А стража
Но Он определяет
Меру пребывания

В тюрьме житейской
Это ли не чудо
Что так рано
Я из тюрьмы был выпущен
На волю
Случая

Дримс лежал голый на кровати и бормотал эти противоречивые строки, когда из двора на него вырвалась молодая драма любви со страшным криком:

– «Я блядь?! Я блядь?»

и повторами до слёз, до непредставимого повышения голоса, и газованием машины, уездом и возвращением... вот вступила мужская партия, присоединившись к тем всхлипываниям, в которые, наконец, выродился первый и страшный крик:

– Я люблю тебя, ты очень красивая, Лена.

– Ты, хоть, извинись, хоть раз в жизни, ты не должен был на меня кричать, не должен был... Миша! Я попаду в психушку...

Ты хоть это понимаешь, что со мной будет всё, пиздец...

– Ты очень красивая.

– А для меня ум гораздо важнее, чем красота, потому что красота проходит, а ум никогда...

Это объяснение, как пламя, вырвалось из них и, как пламя за-
тухает – вдруг проступили птицы, а голоса исчезли – и при-
глушённый мужской, и её с надрывом, с пьяной хрипотцой и
всхлипами – в конце концов всё кончилось птичьей, дождли-
вой в крапинку тишиной и, вдруг, как точкой одноразовым
тявканьем дальней собачки!.. Ав!

Д Е Н Ъ П Я Т Ы Й

Дримсу некуда идти
Зато можно спать с утра
Никому звонить не хочет
Безразличный Дримс
Он в кроватку свою ляжет
И глаза закроет
Снятся Дримсу приключенья
Сны в которых много чувств
Ночью Дримс поедет кушать
В самый тихий клуб
Часто он в своей квартирке
Смотрит видеокассеты

Умиляясь катаклизмам
Наслаждается сюжетом
Переживая за актёров
Воплощающих людей
Дримс на улицу выходит
Осторожным существом
В магазине покупает
Он продукты дня на три
И уже никто не помнит
Кем наш Дримс был до того
Как он Дримсом оказался
Дримс умеет делать деньги
Он рисует их в тетрадке
А потом вздыхает сладко
А потом вздыхает горько
И тотчас с тетрадки деньги
Сыпятся к нему в кроватку
Наш капризный Дримс приемлет
Только краткие свиданья
Девушки к нему приходят
Из кровати забирают
Сладко-горькие деньжата
Отдаваясь по пути
Иногда наш Дримс тоскует
Никогда не веселится
И никто не знает в мире
Что на самом деле Дримс
Бывший высший ангел Рая
С полномочиями Бога
Опустившийся на землю
Много – много лет назад
Соблазнённый девой нежной
Он лишился власти прежней
Он лишился власти тайной
И остался навсегда
Отлучённый миром высшим
Разлучённый с миром низшим
Жертвой чудного мгновенья
Что не вернётся никогда

ЧАСТЬ V

Он в страсти
Обратился к Свету

Крылом взыскующим
К ответу
Зачем Творцу
Его творенье
Испорченное
В недрах тленья
Забившееся в гущу тела
Зажмурившись до беспредела
Искорчившись в своих грехах
До гнуса цель которой прах
И почему во всех мирах
Все силы служат раболепно
Тому что скоро станет пеплом
Творец Шехину распростёр
И бросил ангела в костёр
Любовно целя в сердцевину
Так виноватым стал невинный
Чтоб получив на свой вопрос
Ответ хотя бы чуть подрос
И вот уже три тыщи лет
Дримс получает свой ответ

Невероятный силы ливень – стеной, с громом и молнией. С силой хлопнула фортка в комнате. Уже час громыхает. Потянуло свежестью вместе с густым шелестом дождя. Господь грохочет ящиками, в своём огромном небесном шкафу, переключая судьбы. Во! Мощнейший разрыв небесного пистона! Опять усилился дождь, а рокот то приближается в перекатах, то уходит вдаль.

– Лето оно и есть лето. Может и 26 градусов будет, но дожди будут, конечно, мучить. Уже середина Июля... Я сегодня девушку с Ялты вёз – отдыхала там... Она мне сказала, что вообще сезона не было – одни дожди... Климат интересный стал – Сибирь засыхает, а нас заливает, но, может, хоть торфяники потушат за этот сезон. В Сокольниках дёрн прямо под колёса скинуло... Сегодня чё-то Вы рано едете, проголодались?..

Они себе живут и светят
То есть питаются Творцом
Деревья камни
Твари дети
Все ощущают Свет
Отцом
Но происходит постижение
И свойствам Света

Вняв
Творенье
Само хотело бы
Питать
Так возникает в мире
Мать
Она свершает
Изверженье
А дети будут
Получать
Свет наполняет их
До края
Желаньем матери
Играя
Он истомляет
Разделеньем
И запускает
Всё в движенье
Раздваиваясь на того
Кто отдаёт себя свеченью
И получает от него
Пульсируя на этих гранях
В них образуется сознание
И требует себе весь Свет
Которому предела нет

Дримс вспомнил, что по дороге, ещё в самом начале разговора, шофёр привёл ему слова священника, обращённые к бесплодной сестре шофёра, о ребёнке которого ей никак не посылает Господь: «А нужно ли ему родиться в эти страшные времена?»

И снился Дримсу сон, одновременно страшный и сладкий. Он – пионер, мальчик, живёт в многоэтажном доме... и прячется у себя в квартире от ... льва, говорящего и очень строгого. А с ним ещё кто-то, может быть, медведь, но вот этого второго Дримс точно не помнит... А спрятаться, собственно, некуда, хоть квартира огромная. Дримс идёт на балкон, перебирается на соседский, а лев уже на площадке возле двери... И оттуда, с соседского балкона, выбирается Дримс на крышу, с которой сползает, вроде как на серпантин-улицу... У дома, который теперь, вроде как одноэтажный и более того, в сталинское время, Дримс стоит прислонившись к стене... за углом дверь в дом, где опасно разгневанный лев запаковывает от всего мира окна и запирает двери... А при этом Дримс – великий сталинский пионер, один из 100 пионеров-праведников, которым дана

привилегия сидеть на стуле в почётном окружении караула из 12 отличников... Дримс слышит рёв льва и понимает, что лев с медведем обнаружили путь, которым он ускользнул из квартиры и пока лев идёт тем путём, Дримс опять забирается в квартиру и опять выходит на балкон, но теперь спускается уже по балконам вниз. И когда его преследователь лев спускается тоже, льва окружают друзья Дримса: купцы с ружьями. Последнее, что запомнил Дримс из этого сна, – лев за решёткой, а его охранник – медведь.

Вот тут раздался телефон, и, как это часто в последнее время происходит, вежливый женский голос из «Российской газеты» спросил его, что он предпочитает – вино или водку?

– Да после льва мне всё равно...

Реальный адреналиновый сон.

Последний раз, когда звонили из «Российской газеты», спрашивали у Дримса о Дне независимости.

– Ответьте на вопрос: сейчас приближается День независимости – национальный праздник, что вы можете сказать об этом понятии «Независимая Россия», независимая от кого?

Тогда им Дримс ответил исчерпывающе:

– Послушайте, милая барышня, пора признать слово «независимость» достойным словом русского языка и прошу Вас больше мне не звонить.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Мы пьём
Но мы испить не можем
Живём
Но жизни не изжить
Дримс думал
Что ответ несложен
Он просто должен полюбить
Но каждый день
Овладевает Синью
Из ритмии образуя
Ритм
Линяет Синь
И знания отвергнув
Ты постигаешь
В утре голос дня
Всё начинает
Множиться
И трудно
Из линьки

ПЕРЕЛЁТ БУКВ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА В ИЕРУСАЛИМ

Вычесть
Линию судьбы
Стать подлинным
Под розгами событий
Вернуться к Сини
Из небытия
Твой полдень
Растворяет в злате
Последние останки
Божьей рати
И кажется что ты
Погиб посеян
И должен гнить
Чтобы расти опять
То ветер полдня расправляет тени
Дабы последнее отнять
Да не сравнить
Ни с чем
Того Кто Есть
Он бесподобен
В прелести ничейной
Но источая свой соблазн
Вечерний
Нам кажется
Он губит нас
И ест
И тёмное зерно
Ложится в почву
Источником
Порока и пурги
Из чёрной точки
Вырастает прочерк
Вслед почерку в черновике слуги
Своих желаний тайных
Неспособен
Ты больше превозмочь
И раскалённым
Солнцем раскаяний
Лучится ночь
Пока рассвет
Её не упокоит
Впитав в состав
Того что называется
Любовью к тебе Отца
И осенён

Сиреневою Синью
Сияет Сын
Весь сотканый
Из обрётённых линий
Единый с Ним

ПСАЛМЫ ДРИМСА

Путь Иакова открыт
Каждому из нас
Надо с ангелом
Бороться
Чтобы он нас спас

Мы корчимся в иллюзии всегдашней
Безвременно безвинные малышки
И завтрашнее ставшее вчерашним
Вдруг узнаёт себя в режиме вспышки
Внутри которой яркость нежится в Свету
Рождая отклик в нас на красоту
Творения
И замысел Творца
Всё пронизывает замираньем жизни
И жжёт нас постиженьем образца
И мы парим сквозь паузы сердца
Открыв Творцу и зрим Его и зиждем
Стремление прощений и поддержек
Ты так всемирно
Так полно молений
В тебе в гнезде
Птенцы всех поколений
Ступицы всех колёс
И зёрна всех рождений
И ор орлят к орлу
Летит сквозь высь
Стремительней чем Свет
Мгновеннее чем мысль

Творить приятное желаю как Творец
Делясь гнильцой
С дельцом самцом лжецом
Чревоугодником глупцом и подлецом
Чтобы разъела их моя гнильца
Во мне до гнили
Где таится смерть тельца

До дна где прячется
Желание конца
До бездны
Где хранится
Воскрешенье
Из мёртвых тел
И там вступить в сраженье
За каждого и с каждым
Против всех
Пока не отпадёт в ничто
Последний грех
Но и тогда желаю
Как Творец
Творить приятное
С ним слившись наконец

Опять опять меня
Толкает муза
Мне в этом странном мире
Став обузой
Ногой в живот
Зародышем стиха
Когда уже утомлюсь усну
И буду видеть сны
А не карябить стену листа
Своими граффити узорами перчёными
Как беглый раб
Проклятья шлющий граду
Когда уже единственной оградой
Нам станет радость
Что óкружит Сад

Нельзя к рисунку подступать
Пока не накопилась линия
Здесь как в любви
Фиаско неуместно
И стыдно перед
Перед Кем
Пред Ним
Быть может линия
Тотчас пред Ним сияет
Почище нимба
Или наших мыслей
Быть может и сияет и звучит
А звук лучится

Там иначе всё
Здесь только Буква
Предстаёт оттуда
К нам посланной
Без стадий напрямую
Свивая в Свет
Звучащий линий бег
Здесь только Буква Бог
А Там
Мы линия
Мы звук
Да Там мы в Свете
Здесь же на Свету
И даже чувство
Не всякое конечно

Но такое
Когда уже другого
Быть не может
Пока не разрешится
Как ответ
Молитвой став
От нас уходит чувство
И мы опять живём
Дримс покачнулся
Отчего-то он
Захотел вдруг умереть
Но испугался этого желанья
Оно из тех
Что не подвластны жизни
А он на жизнь
Сплошную обречён
Так Дримс заметил
На краю сознания
Где в створках бытия
Зазор к Нему
И понял
Что прощён

О ангел вечный
Как долго ты провёл
Среди людей
И как чудесно Дримс
Что ты
Став человечней большинства

Так одинок
И морок для тебя
Такие же опасности
Таит
Как и для тех
Что знали Свет
И помнят
И мокрым летом
Ты оплачешь нас
Когда тебя отпустят

Душа открытая
Оставила свой след
И абрис тела
В плече и душе
Дримс обсуждал с ней
Ветхий тот Завет
Единственный
Что не развеется уже
Зелёной скатертью
Покрыт вечерний стол
И в разговоре обнаружено
Родство
Официант принёс меню
А нож упал на пол
Из серых плит
И звякнул ведовством
У инструментов речи
Плоти нет
Они растаяли
С её уходом в миг

И ветер перемен
Приносит свет
Рекламы пепси
Что случайно вдруг
Возник
Из разговора
За столом соседним
В устах провинциялки
Что пыталась
Испуганной подруге объяснить
Путь к ресторану

Что исчез с пути
Всё верхотурье

Проажуренной решётки
Всю каменную прелесть
Из веранды и музыки Шопена
Ненастырной
И в кадках деревца
И плющ в ограде
И матовую шалость ночника
Дримс заберёт с собой
В воспоминанье
Такой уж он
Скупец на разговоры
Что впитывают
Время
Навсегда

Восстанием не встанет
Высота
И не сразится
С поздним наклоном
И будет гнить
В пейзаже красота
Некошленною жертвой отражений
И через меру
Нам не преступить
И в толкованье
Не узнать волеья
И будет тлеть наш смысл
В пыли

Забытых плит
Где мёртвые слова
Ждут проявленья
Пока мы
Не срастимся
С ростом Рун
И не взойдём
Со всходами
Молений
Которые упрягал
Мир болтун
Внутри своих
Умолкнувших творений
Но если мы сумеем
Если риск

Потери разума
Не заглушит в нас веру
Тогда мы одолеем
Гнусный писк
Сомнения
И здравый смысл
Химеру
Освободив узор
От шелухи
Мы в каплю яда
Перегоним пот клипота
И этим сгустком
Горького помёта

Заправим наши
Судьбы и стихи
Терновой вестью
От зулуса до якута
Все разъедающая правила и путы
К нам будет исходить
Молва из уст
И пейзажи
Невиданных маршрутов
Отправит нас
В поход
Нетленный куст

Д Е Н Ъ С Е Д Ь М О Й

У Дримса тоже есть желание прогуляться
Вдоль по Тверскому
Он не любит
Встреч случайных
Но всегда
Готов на отклик
Когда нас
Сталкивает с ним
Маршрутом кропотливым
Большое управление
Движеньем
Мы улыбаемся
Забавно наблюдать
Как Дримс

Вышагивает по Москве
С зонтом
Простукивая кончиком
Асфальт
Как будто ищет в нём
Особенную точку
Или рычаг
Нажав который
Он сможет вдруг
Уйти от нас насквозь

И вопреки всему уму
Что дан был вместе с Божьей карой
Вдруг
Безразличный до всего
Он обретает крылья дара
И облако Шехины
Паром
Струится к Дримсу
Вдоль бульвара
Незримое ни для кого
В разрывах
Чудных
Оболочек
Приходит
Ясность
Быстрых строчек
Разменивая
Свой наряд
На точный смысл
И чёткий ряд
Сменяющих друг друга
Свойств
Их Свет
Нанизывает вскользь
Идя насквозь
И растворяя
В себе
Беспочвенно
Играя
Корнями
Слов
Явлений
Душ
Кругами

Образуя сферы
И заплетая
Языки
В косички текстов
И событий
Выращивая огоньки
И направляя
Светляки
В зрачки
Наитий
Так осязая зов мерцаний
Ангел уносится наверх
К Тому Кто светит вдаль сознаний
Теперь открытую для всех

Борис Юхананов

НОНСЕНСОРИКИ ДРИМСА

Была издана впервые в виде текста на 35 пронумерованных принтах фото-выставки «Перелет букв из Тель-Авива в Иерусалим» 21 апреля 2013 года в театре Школа Драматического искусства во время премьеры спектакля Бориса Юхананова «Стойкий принцип».

Текст и фотоиллюстрации: *Борис Юхананов*

Дизайн книги: *Валерий Козлов*

Дизайн фотопринтов: *Алексий Чекаль*

Редактор: *Леда Тимофеева*

Верстка, препресс, цветокоррекция: *Валерий Козлов, Виктор Шарахов*

Корректор: *Юлия Голомазова*

Формат 70x120/16, Тираж 1000 экз.